

Транскультурность в творчестве Йосипа Ости

Красовец Александра Николаевна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: aleksandrakrasovec@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9500-1767

Цитирование

Красовец А. Н. Транскультурность в творчестве Йосипа Ости // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 311–329. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.04

Статья поступила в редакцию 28.08.2021.

Аннотация

Йосип Ости (1945–2021) — поэт, прозаик, эссеист, литературный критик, переводчик и редактор, автор свыше двадцати поэтических сборников. Родился в Сараево, с 1990 г. жил и работал в Словении. Являясь признанным поэтом у себя на родине, пишущим по-сербохорватски, одним из крупнейших переводчиков словенской литературы на сербохорватский язык, с 1997 г. он начинает писать по-словенски, тут же удостаиваясь наиболее престижных наград в Словении. Транскультурные аспекты литературных произведений Йосипа Ости, как поэтических сборников, так и романов, представляют собой особое явление. Автор не только лирически рефлексирует свой переход с одного языка на другой, каким был этот процесс, что оказало на него влияние, находя выражение в запоминающихся художественных образах, но и дает оценку своему литературному билингвизму в прозаических текстах и интервью. Анализ его стихов, в частности, обращение к жанру хайку, позволяет также понять особенности поэтического функционирования Ости на неродном ему словенском языке. Другая важная составляющая транскультурности творчества Ости — осмысление пространств Боснии и Словении и их уникальной взаимосвязанности.

Ключевые слова

Йосип Ости, современная словенская литература и поэзия, литература Боснии и Герцеговины, иммигрантская литература, транскультурность.

Памяти Й. Ости

Йосип Ости — поэт, прозаик, эссеист, литературный критик, переводчик и редактор, родился в 1945 г. в Сараево и умер в июне 2021 г. в Томае, в Словении. В родном городе он окончил философский факультет Сараевского университета по специальности «История южнославянских литератур и сербохорватского языка», после чего также изучал философию и социологию. Был редактором студенческой газеты «Наши дани» (*Naši dani*), которая была закрыта в 1969 г., в годовщину студенческих протестов 1968 г., из-за двух текстов и стихотворения Ости «Третье лицо множественного числа» («*Tretja oseba množine*»); последнее в переводе Драго Янчара наряду с письмом в поддержку сараевских студентов вскоре увидело свет в мариборской газете «Катедра» (*Katedra*)¹. С 1973 г. он работал редактором, отвечающим за отечественную и иностранную литературу, а также исполняющим обязанности главного редактора в издательстве Veselin Masleša, откуда был уволен из-за несогласия с политической цензурой и запретом опубликованных книг. С 1982 г. являлся секретарем представительства писателей Сараево и директором международного литературного фестиваля «Сараевские дни поэзии» (чтобы не прерывать его тридцатилетнюю традицию, во время осады Сараево с 1992 по 1995 г. Ости организовывал проведение фестиваля в Любляне). Он также был секретарем Союза писателей Боснии и Герцеговины, редактором журнала Books в Боснии и Герцеговине, председателем Общества литературных переводчиков БиГ. В молодости Ости профессионально занимался легкой атлетикой, являлся многократным рекордсменом и чемпионом Боснии и Герцеговины в спринтерских дисциплинах, чемпионом среди юниоров в беге на 400 м, а также членом молодежной и затем взрослой сборной Югославии по легкой атлетике. С 1990 г. жил в Словении, в Любляне, где оказался во время войны, разразившейся на территории бывшей Югославии, с 1994 г. постоянно проживал в Томае — деревне в словенском регионе Крас. С 1991 по 2002 г. он являлся постоянным внештатным сотрудником литературной редакции Радио Словения, а затем в течение двух лет был колумнистом культурной рубрики газеты «Дневник» (*Dnevnik*). Был соучредителем так называемых Культурных выходных для детей из БиГ в Любляне и руководил литературными ателье для детей беженцев. Он основатель

¹ *Osti J. Tretja oseba množine; Jančar D. Ob prvem maju: zopet zaplemba študentskega časopisa // Katedra. 1969. Št. 14.*

и редактор книжной серии Egzil-abc, которая, располагая минимальными средствами, выходила с 1993 по 1996 г. в Любляне и в которой Ости опубликовал 160 книг, среди последних особую ценность представляют произведения авторов из осажденного Сараево, в ней также вышли тексты писателей из БиГ, проживающих в Словении и других странах, сочинения словенских авторов в переводе Ости, а также несколько его собственных книг. Эту серию многие считают настоящим издательским подвигом, совершенным в условиях военного времени на территории бывшей Югославии². Тогда же Ости предложил поэту Борису А. Новаку (р. 1953), занимающему место президента Словенского ПЕН-центра, а позднее также председателя Комитета мира или Сараевского комитета Международного ПЕН-центра, осуществить сбор и отправку денежной помощи писателям в осажденном Сараево. Эта деятельность Б. А. Новака продолжалась более трех лет и до сих пор представляет собой самую крупную акцию помощи писателям в истории этой международной писательской организации. В 1994 г. Ости в качестве члена делегации Словенского ПЕН-центра с Борисом А. Новаком, Нико Графенауэром и Драго Янчаром посетил осажденное Сараево. В 1999 г. поэт выступил составителем, редактором, автором сопроводительного слова антологии «Музы не молчали. Стихи словенских поэтов и поэтесс о войне в Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговине» (*Muze niso molčale. Pesmi slovenskih pesnic in pesnikov o vojni v Sloveniji, na Hrvaškem in v Bosni in Hercegovini*, 1999), где собрал стихи Б. А. Новака, Йоже Сноя, Нежи Маурер, Изтока Осойника, Каетана Ковича, Эсада Бабачича, Дане Зайца, Вено Тауфера, Светланы Макарович, Нико Графенауэра, Алеша Штегера, Милана Деклевы, Андрея Розман-Розы, Алеша Дебеляка и др.

Творческая биография Ости началась в возрасте 15 лет, когда было опубликовано его первое стихотворение. Он выпустил в свет более 270 книг, среди них более 30 поэтических сборников, 9 книг прозы, 27 книг эссе, литературно-критических и публицистических текстов, книгу бесед с боснийско-герцеговинским поэтом Изетом Сарайlichem (1991), роман-переписку с сербской писательницей Бильяной Йованович *Non omnis moriar* (1996) и книгу корреспонденции с белградской переводчицей с русского языка Верой Зогович в

² *Baltić A.* Josip Osti, tisti dobitnik največjih slovenskih literarnih priznanj, ki je bil izbrisan // RTV SLO. 08.05.2016. URL: <https://www.rtvsl.si/kultura/novice/josip-osti-tisti-dobitnik-najvecjih-slovenskih-literarnih-priznanj-ki-je-bil-izbrisan/391354> (дата обращения: 15.09.2021).

1994–1999 гг. «Сараево между Любляной и Белградом» (Sarajevo med Ljubljano in Beogradom. Dopisovanje 1994–1999, 2016), а также 14 антологий боснийско-герцеговинской и словенской поэзии и прозы. Перевел 136 книг, прежде всего поэзии и прозы словенских авторов, на сербохорватский, среди которых 17 пьес. Его книги вышли в более чем семидесяти переводах на различные языки. Ости получил множество наград, среди которых международная литературная премия Виленицы (1994), премия имени Отона Жупанчича (2000), специальная международная поэтическая премия Scrittura di Frontiera (Триест, 2005), международная поэтическая премия имени Аннибале Руччелло (Кастелламаре-ди-Стабия, 2016), международная литературная премия Pont (Копер, 2018) за наведение мостов между культурными сообществами и многие другие.

С 1997 г. Йосип Ости начал писать поэзию и прозу по-словенски, за свой дебютный поэтический сборник по-словенски «Нарцисс с Краса» (Kraški narcis, 1999) в 1999 г. он получил две престижные премии — Вероники и Отона Жупанчича. Всего у Ости вышло больше тридцати книг (больше двадцати из которых он написал по-словенски).

Йосип Ости — хорват по матери и словенец по отцу. Прадед отца со своей семьей в 1880-е гг. переехал из северо-восточной Италии, южного Тироля, в Боснию, оба региона в то время являлись частью Австро-Венгрии. Несмотря на то, что имена и фамилии семьи были италянизированы и по-словенски они больше не говорили, дед и отец Йосипа, которых обоих звали Нарцисс Ости, продолжали называть себя словенцами. Интерес к словенскому языку и любовь к словенской литературе возникают у Йосипа Ости во время учебы на философском факультете, там у него, однако, не было возможности изучать язык. Особенно знаменательными для поэта становятся встреча и знакомство со словенским поэтом Томажем Шаламуном (1941–2014): работая над переводом его стихов, Ости начал изучать словенский, став впоследствии, вероятно, самым плодовитым переводчиком словенской литературы на сербохорватский язык. В 1980-е гг. в Словении Ости знакомится со своей будущей женой Барбарой Шуберт, ради нее он переезжает жить в Люблян. Здесь он несколько лет работает на Радио Словения и со временем вынужден перейти к написанию рецензий на книги на словенском языке. Одним из следствий этого стало также то, что он начал создавать свои поэтические тексты по-словенски. Другим важным стимулом для этого послужила любовь к лирике словенского поэта-авангардиста Сречко Косовела (1904–1926) и желание жить в его родной деревне Томай.

Переход Ости к написанию поэзии на другом языке, по мнению Бориса А. Новака, продиктовал и определенные трансформации в его взгляде на мир. Поэзию Ости по-сербохорватски отличает нарративный характер, каждое стихотворение — это, как правило, целая история, язык же вбирает в себя наравне с архаичной, «руральной» лексикой словарь современной жизни. Так, для начального периода поэзии Ости (1970–1980-е гг.) характерны магнетический ритм, опирающийся на ритмику боснийской народной поэзии, синтаксические параллелизмы и тонкое переплетение повествовательной линии с сильными лирическими деталями, где метафорическая насыщенность придает поэтическим текстам особую смысловую многослойность³.

Серьезные изменения поэзия Ости претерпевает под воздействием переломного исторического события — войны в Боснии и Герцеговине, тогда в его текстах возникает важный элемент свидетельствования. Выходят в свет сборники «Сараевская книга мертвых» (*Sarajevska knjiga mrtvih*, 1993) и «Печать Соломона» (*Salomonov pečat*, 1995), где с ошеломляющей художественной силой находит отражение тема военного насилия. Следующий сборник, «Нарцисс с Краса», как уже было отмечено выше, написан по-словенски: так поэт в возрасте пятидесяти лет меняет язык своего творческого самовыражения. Вышедший три года спустя сборник «Скатерть Вероники» (*Veronikin prt*, 2002) автор посвятил своей матери по имени Вероника, которая не пожелала покинуть осажденное Сараево и провела всю войну в городе. Тематически и стилистически эта книга также примыкает к трем предыдущим, отражая сложный и противоречивый процесс вхождения Ости в новый для него язык; трагедия его родного края между тем все больше уступает место обретению нового дома на Красе. Все четыре книги разрабатывают ключевые для этого периода творчества Ости темы уничтоженного войной Сараево, потерянной родины и дома, умирающего вместе с ними родного языка⁴, связанных с этим беженства, бездомности, отшельничества, воспоминаний, забвения и поиска нового пристанища посредством поэтического творчества на другом языке, овладения другим культурным пространством, а также обретения любви и внутренней свободы. По-словенски поэт так же, как и по-сербохорватски, придерживается формы свободного стиха. Лирический герой во многом тождественен самому автору, поскольку как поэзия, так и проза Ости несет автобиографический характер.

3 См.: *Novak B. A. Dvojezični pesniški glas // Sodobnost. 1999. Št. 9/10. S. 840.*

4 *Osti J. Največkrat se pogovarjam z mrtvimi // Osti J. Veronikin prt: tomajske ne himne ne elegije. Ljubljana, 2002. S. 84.*

Ости, прорабатывая страшную травму, не перестает сопоставлять Боснию, события в ней, и прекрасный Крас: «Где бы я ни прогуливался, я прогуливаюсь по сараевским улицам»⁵; «И в Томае, мама, меня настиг сараевский дождь»⁶. Цепляющие глаз детали заставляют думать о происходящем в Сараево, например, в стихотворении «Рухнется и рассыпается прекрасный старей дом на Кресе»:

Медленно и необратимо его подтачивает время
и превращает в развалину, похожую на развалины зданий,
в которые попали гранаты. Я сижу на каменной скамье
перед этим домом, окаменевший от ужасов, которые
происходят в моем родном городе⁷.

Последним поэтическим текстом Ости по-сербохорватски символично оказалось стихотворение «Я остался без языка». Поэт, лишившийся дома, чувствует, что его больше нет и в его родном языке. В редком для Ости указании места и времени написания текста симптоматично фигурируют сразу четыре географических названия: «Лангебройх — Любляна — Томай — Сараево 1994».

Я остался без языка, без того единственного,
что мне осталось? Всё есть в имени и нет,
я говорю на безымянном языке, которым
называю себя и всё вокруг. Или мой
язык, расщепленный острием ножа,
похож на змеиный? Разве не шепчут нежные слова
и в мертвый узел связанные змеи? И их дети,
плоды ядовитой любви, весь день греющиеся на солнце
свои красивые, нагие тела? Научиться снова
говорить или замолчать...⁸

Возникают образы раздвоенного, ядовитого змеиного языка, в таком случае поэт предпочитает умолкнуть или же освоить речь заново.

5 *Osti J.* Kjerkoli se sprehajam, se sprehajam po sarajevskih ulicah // *Osti J. Salomonov pečat: dnevnik nesаницe = dnevnik nespečnosti.* Ljubljana, 1995. S. 23. Здесь и далее перевод со словенского мой. — *А. К.*

6 *Osti J.* Še eno poslovilno pismo // *Ibid.* S. 82.

7 *Osti J.* Podira in sesipa se prelepa stara kraška hiša // *Ibid.* S. 119.

8 *Osti J.* Sem ostal brez jezika // *Ibid.* S. 123.

во. Так, обращаясь к словенскому как языку поэзии, автор неизменно приходит к удвоенному осознанию мира. Однако богатство владения двумя мирами одновременно становится и ранящей раздвоенностью. Как справедливо замечает Б. А. Новак, стихи, собранные в сборнике «Нарцисс с Краса», постоянно соотносят жизненное восприятие Сараево и Краса, войны и мира, тяжелого воспоминания и надежды, разрушенного прошлого и с трудом и любовью собранные камни Краса⁹. Прочитируем строки из стихотворения «Весна на Красе»:

Крас — это край моего повторного детства.

<...> я нашел новый дом, новый язык, новые
слова своих стихов... <...>

Нашел много того, что потерял во время страшной
войны. Друзей среди живых и
умерших поэтов. Любовь... А прежде
всего самого себя. Потерянного между реальностью
и точно такими же бессмысленными снами¹⁰.

Наравне с этим возникает важная тема повторного обретения дома:

Во время, когда в Сараево рушат дома,
мы с тобой в Томае строим маленький дом.

<...> Строим его из осколков снов,
разбитых балканской войной¹¹.

Ости обращается к теме языка как дома человека, теме дома из языка, пространству творчества как единственному дому:

Я снова строю дом. Из неартикулированных
звуков. Из цепочек гусениц. Из шипов
цветущей крапивы... Из отрезанных ногтей,
остриженных волос, высохшей спермы,
превратившейся в белую пыль. <...>

Я снова строю дом. Из ничего. Для никого.
Дом из языка¹².

9 Novak B. A. Dvojezični pesniški glas. S. 844.

10 Osti J. Pomlad na Krasu // Osti J. Kraški narcis. Ljubljana, 1999. S. 74.

11 Osti J. V času, ko v Sarajevu podirajo hiše, midva v Tomaju gradiva hišico // Ibid. S. 23.

12 Osti J. Znova gradim hišo // Osti J. Salomonov pečat. S. 121.

Отметим, что это стихотворение о природе творческого процесса, которое Ости опубликовал еще в своем предыдущем сборнике «Печать Соломона» и которое перевел на словенский язык Юре Потокар, невольно служит отсылкой к антологическому стихотворению А. Ахматовой «Мне ни к чему одические рати». Сам поэт среди огромного числа имен поэтов и писателей, с которыми он ведет диалог в форме интертекстуальности (среди них Эдвард Коцбек, Тин Уевич, Пауль Целан, Томаж Шаламун, Рене Шар, Урош Зупан, Райнер Мария Рильке, Сречко Косовел, Фернандо Пессоа, Вилем Завада, Еж Харасымович, Адам Загаевский, Георг Тракль, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Гарольд Харт Крейн и др.), не упоминает Ахматову, но посвящает стихотворение Марине Цветаевой, идентифицируя себя с ней как поэта, для которого так же, как и для нее, поэзия являлась единственным домом¹³. Транскультурность Ости, таким образом, активно проявляется и в этой включенности его текстов в литературное пространство не только Боснии, Хорватии, Сербии и Словении, но и Европы (а также Америки). Поэтов автор называет своими единственными братьями и отцами¹⁴. Крас и его пограничное положение с Италией заставляет боснийско-словенского литератора вдалеке от сараевского дома направлять свои мысли на великих обитателей здешнего культурного пространства, также невольно присвоивших его себе. В «Первом стихотворении» он упоминает Рильке в Девине, Джойса в Триесте, Бродского в Венеции; красная буря таким образом заглушает голоса из Сараево:

Сад в Томае. За домом из слов. Из
надежды. <...> посреди
зимы расцвело имя отца — Нарциса...
мать, Вероника, бдящая над мертвыми
и живыми в Сараево, где наша
семейная гробница... мой прошлый
и будущий пустой дом... <...> Стою
над бездной языка. Буря отзывается
сотнями, в том числе подземных, труб. <...>
Заглушает звуки из моего родного города.

13 *Osti J. Pesem je bila in bo tvoj edini dom, Marina Cvetajeva // Ibid. S. 79.*

14 *Osti J. Razen pesnikov drugih bratov nimam // Ibid. S. 75; Osti J. Pesnik v meni je, ljuba, vesel moje bolečine // Osti J. Na križu ljubezni (ljubezenske, spet... žalostinke, seveda). Maribor, 2009. S. 114.*

Любовные и предсмертные крики. Стирает воспоминания¹⁵.

По мнению Бориса А. Новака, при переходе на другой язык поэтический голос Ости пережил определенные изменения в тональности: стихи звучат мягче, будто словенский помог ему установить дистанцию по отношению к трагедии уничтожения в войне его боснийской родины. Строки, которые свидетельствуют об ужасах войны, все еще полны боли, но «эта боль чистая и просветленная, выкристаллизованная через призму языка, которого не коснулась война»¹⁶. Никогда до этого поэзия Ости не была так богата по своей образности.

Действительно, словенский язык будто дает вторую жизнь Ости как поэту, тогда он сам в шутку называет себя молодым словенским поэтом, а сборник «Нарцисс с Краса» — своей второй дебютной книгой¹⁷. Постепенно в сборнике «Скатерть Вероники» тема языка, наряду с ее сопряжением с образом «темницы» и с метафорой блуждания в «темном лесу»¹⁸, обретает дополнительные философско-экзистенциальные нюансы при помощи мотивов свободы, памяти, любви («любовь — это словарь и грамматика моего поэтического языка»¹⁹), воображения, созидания, обретения столь жизненно необходимого пристанища... Понятие родины теряет свою определяющую значимость, родным пространством становится то место, где изгнанник находит любящий прием. Строки из стихотворения «Солнце везде и всех одинаково греет» звучат почти как личный манифест поэта, Ости полемизирует с известным стихотворением сербского поэта Алексы Шантича «Оставайтесь здесь...» (1896), не соглашаясь с главным пафосом его текста о том, что не может быть лучшего дома, чем на родной земле:

Я не верю,
что человек живет ради того, чтобы умереть за

15 *Osti J. Prva pesem // Osti J. Kraški narcis. S. 26.*

16 *Novak B. A. Dvojezični pesniški glas. S. 846.*

17 *Horvat M. Josip Osti: "Pišem in prevajam v jeziku svojih spominov" // Mladina. 22.12.2010. URL: <https://www.mladina.si/52711/josip-osti-pisem-in-prevajam-v-jeziku-svojih-spominov/> (дата обращения: 17.09.2021).*

18 *Osti J. V žepu še vedno nosim ključ nekdanjega doma; Pogosto sem izgubljen v temnem gozdu jezika // Osti J. Veronikin prt. S. 15–16, 17.*

19 *Osti J. Najin vrt ljubezni, ljubezen, je slovar in slovnica mojega pesniškega jezika // Ibid. S. 30.*

родину. Особенно не за ту, которая непрерывно
 была местом битвы, истребления и пепелищем.
 Которая если и мать, то убийца собственных детей. <...>
 Поэтому
 всем, кого ты призываешь остаться здесь,
 я сообщаю, пусть они идут и останутся там, где
 они не будут спрашивать себя, кто их убьет,
 но кто их полюбит²⁰.

С середины 2000-х гг. Ости начинает писать поэзию в жанре хайку, обращаясь к классической форме японского стиха — из семнадцати слогов. По собственному признанию поэта, его словенская поэзия порой оказывается чересчур перегруженной, порой больше, чем в этом есть необходимость. Поскольку каждое словенское слово им воспринимается гораздо интенсивнее, чем другими поэтами, для которых этот язык является родным, то он решил дисциплинировать свое поэтическое выражение при помощи более короткой поэтической формы, которой и стало хайку²¹. Традиционное хайку обращено к образам природы, их соотношению с миром человека, что также отвечает образу жизни Ости на словенском Кресе, где он находится в непосредственном контакте с природой в саду своего дома. Так форма хайку, требующая от поэта выразить как можно больше, используя наименьшее количество слов, оказывается особенно подходящей для поэтического самовыражения Ости на словенском языке. Опус поэта насчитывает больше десяти сборников, написанных за последние годы. Последний из них вышел посмертно в сентябре 2021 г. и носит название «Флейта Пана» (Panova piščal, 2021)²², в нем количество сочиненных Ости хайку преодолело рубеж числа 1001, которое автор задал для себя после публикации первых книг в этом жанре. Главными темами здесь неизменно остаются любовь и смерть. Несмотря на большую долю интимности и исповедальности этой лирики, изгнанничество и война возникают в них лишь как некий углубленный фон, как полусознательный след пережитых жизненных трагедий, частью которых являются судьбы наиболее близких. Прочитируем несколько хайку из сборника «Томайский сад» (Tomajski vrt, 2007): «Зло войны меня / сблизило с природой. / Цветами и птицами»²³; а также из сборника «Утрение,

20 *Osti J.* Sonce povsod in vse enako greje. Ibid. S. 22.

21 *Horvat M.* Josip Osti: “Pišem in prevajam v jeziku svojih spominov”.

22 *Osti J.* Panova piščal. Ljubljana, 2021.

23 *Osti J.* Zlo vojne me je... // *Osti J.* Tomajski vrt. Ljubljana, 2007. S. 35.

вечерние молитвы» (*Jutranjice, večernice*, 2009): «Слышится выстрел. / И даже если нет мертвых, / В воздухе рана»; «Хотя нет войны, / домики улиток пусты. / Где беженцы?»; «Печаль беженца — / письмо с маркой из / родного края»²⁴. Свое же межкультурное положение Ости подытоживает в одном из хайку в сборнике «Маленькое стихотворение» (*Majhna pesem*, 2015): «Дитя Запада — / С каждым днем я все больше становлюсь / Старцем Востока»²⁵. В сборнике «Между крапивой и крестом» (*Med koprivo in križem*, 2007) раздвоенность лирического героя между двумя пространствами, прошлой и новой жизни, находит выражение в лаконично-пронзительных строках: «Из трамвая все / видят Триест, один / я — Сараево»; «Воображение — / моя родина. Дом — / тоска по родному краю»; «Вернусь ли / после смерти в край до / моего рождения — забытый?»²⁶. Несколько хайку Ости посвящает восприятию собственного двуязычия, возникают образ переводчика, мотивы воспоминаний и забытья: «Я переводчик. / Перевожу образы из / снов в слова»; «Один мой язык — / язык забвения, другой — / язык памяти»; «Я вспоминаю / и забываю одновременно / на двух языках»²⁷.

Наравне с поэзией Ости со второй половины 1990-х гг. также активно пишет прозу, которая несет преимущественно автобиографический характер, с чем связано желание поэта и писателя запечатлеть мир своего детства и молодости, того мультикультурного Сараево, которого больше нет. Выходят сборники рассказов «Я рос с животными» (*Odgrastao sam sa žvotinjama*, 1996, 1997) по-боснийски, «Исчезло ледяное волшебство» (*Izginula ledena čarovnija*, 1998), написанный автором на родном языке и переведенный на словенский Лелой Б. Ньятин, и «Учитель любви» (*Učitelj ljubezni*, 2004), который Ости написал уже по-словенски, обозначив книгу как «семейный роман». Исследовательница Сильвия Боровник в отношении прозы Ости отмечает, что «ее особое достоинство заключается именно в искренней непосредственности и юморе. Язык Ости, словенский, — гибок и невероятно богат»²⁸.

24 *Osti J.* Slišati je strel...; Čeprav ni vojne...; Žalost begunca... // *Osti J. Jutranjice, večernice*. Ljubljana, 2009. S. 49, 53.

25 *Osti J.* Otrok Zahoda... // *Osti J. Majhna pesem*. Maribor, 2015. S. 114.

26 *Osti J.* Iz tramvaja vsi...; Domišljija je...; Ali se bom po... // *Osti J. Med koprivo in križem = Between Kopriva in Križ*. Ljubljana, 2007. S. 55, 59, 74.

27 *Osti, J.* Prevajalec sem...; En moj jezik je...; Spominjam se... // *Ibid.* S. 43, 45.

28 *Borovnik S.* Podobe medkulturnosti v literarnem delu Josipa Ostija // *Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti*. Maribor, 2017. S. 49.

В 2014 г., после того как у Ости было обнаружено неизлечимое онкологическое заболевание, он берется за написание трилогии биографических романов, которая в результате вылилась в четыре книги. В нее вошли романы «Призраки дома Генриха Бёлля» (Duhovi hiše Heinricha Bölla, 2016), «Перед зеркалом» (Pred zrcalom, 2016) и «Жизнь — чудовищная сказка» (Življenje je shrljiva pravljica, 2019). В 2018 г. вышел также роман в письмах, которыми автор обменивался с коллегами-писателями, в частности Борисом А. Новаком и боснийско-герцеговинским поэтом Хусейном Тахмишчичем (1931–1999), во время осады Сараево. Книга «Черный, поглотивший все остальные цвета» (Črna, ki je pogoltnila vse druge barve, 2018) — это свидетельство о той уникальной помощи, которую оказали словенские писатели коллегам в окруженном городе. Эти произведения можно назвать романами достаточно условно — сам автор называет их калейдоскопическими, мозаическими романами, которые представляют собой собранные вместе фрагменты различных историй. Это анекдоты, автобиографические зарисовки и эссе, которые ветер в доме немецкого лауреата Нобелевской премии — Генриха Бёлля, где Ости пребывал в писательской резиденции, «смял и разметал, спутав между собой». Если первый роман в трилогии обращается к жизни писательской среды, таких фигур, как Изет Сарайлич, Меша Селимович, Стеван Булаич, Данило Киш, и многих-многих других, то «Перед зеркалом» — уже полностью автобиографический и раскрывает воспоминания о женщинах в жизни писателя, начиная с бабушки, матери и тети, первых влюбленностях, мимолетных встречах и всех четырех женах, имеющих важное место в жизни Ости. Третий роман, «Жизнь — чудовищная сказка», состоит из трех переплетающихся повествовательных линий А, В, С: рассказ автора о его лечении от рака, военный дневник его матери, который она по его просьбе вела во время осады Сараево с 1992 по 1995 гг., и возникающие параллельно личные воспоминания автора из различных периодов его жизни.

Дневник, который вела мама Ости — Вероника — и посылала ему в письмах из осажденного города, где она провела все три с лишним года, своим простым фактографическим стилем и описанием ужасающей военной повседневности, полной боли и лишений, дает представление о непрекращающейся борьбе за существование пожилой женщины и других обитателей города, среди которых также и животные, в частности, оставшийся с Вероникой сиамский кот писателя по кличке Шираз. Сосуществование бок о бок дает им силы выжить, женщина также не теряет надежду однажды снова увидеть

своего сына, помогает ей в этом и присущее ей чувство юмора: «За одно только 5 января на Сараево упало 1330 гранат. Даже если бы это были арбузы, их для нас было бы слишком много»²⁹. Автор рисует мультикультурную, мультирелигиозную, мультиязычную атмосферу своей молодости, культурную и политическую жизнь своей родины, которая, к сожалению, породила и такие фигуры, как Радован Караджич, являвшийся в молодые годы поэтом и хорошим знакомым Ости. Исключительно гуманистическая позиция писателя, ставящая его вне каких-либо лагерей, позволяет отчасти понять суть трагедии, разразившейся на территории бывшей Югославии.

Сараево, его обитателям и кровавой трагедии, которую им довелось пережить, посвящен также сборник краткой прозы «Перчёный пудинг» (*Perceh po pudingu*, 2021), вышедший за месяц до смерти писателя. Его тональность, однако, сильно отличается от романа 2019 г., рассказы по своей форме напоминают анекдоты, изобилуют юмором и самоиронией. Б. А. Новак, высоко ценя мастерство Ости, классифицирует эти тексты как подлинные стихи в прозе³⁰.

Данные тексты в очередной раз раскрывают транскультурную идентичность автора, его столь существенную роль в процессе межэтнического перевода между различными культурными, языковыми и литературными моделями и пространствами. Стараясь успеть еще что-то сказать и рассказать о себе и своих близких, буквально отсрочив тем самым свою смерть, Ости невольно подводит некоторые итоги, в том числе свой переход на словенский как язык литературного самовыражения. Приходит осознание того, что это также позволило ему уклониться от так называемых «смертоносных объятий и поцелуев» между писателями БиГ в 80–90-е гг. «Тому, что важнее, кто ты (по национальности) и чей ты (из тех, кто во власти), чем то, какой ты. При этом в БиГ речь шла о столкновении не только между сербами, хорватами и мусульманами, но также и между “правильными” и “неправильными” внутри каждого из этих трех народов. Даже когда речь касается литературы»³¹. В этом же фрагменте снова возникает образ «мертвого узла», который мы встречали в стихотворении 1995 г. о потерянном языке: «Тем самым гордиев узел совместной жизни в

29 *Osti J.* *Življenje je srhljiva pravljica* [Elektronski vir]. Maribor, 2020. S. 354.

30 *Novak B. A.* *Moj brat Josip Osti // Delo: Sobotna priloga*. 10.07.2021. URL: <https://www.delo.si/sobotna-priloga/moj-brat-josip-osti/> (дата обращения: 21.09.2021).

31 *Ibid.* S. 198–199.

многонациональной Боснии и Герцеговине был и остается еще более запутанным. Он даже был и остается мертвым узлом»³². Ости, не принадлежа ни к одной из трех основных наций, таким образом невольно выпал из литературного процесса родной страны: «Из этого сложного положения быть ничьим я бессознательно спасся таким образом, что начал писать поэзию по-словенски. Хотя до этого я был глубоко убежден, что никогда не смогу написать ни одной строчки на каком-либо другом языке. Так же как я никогда не желал жить где-то еще, кроме Сараево, в котором я родился»³³. Чуть далее Ости продолжает размышления о своей гибридной идентичности: «Я всегда считал и продолжаю считать себя сараевцем <...>. Не только тем, кто родился в Сараево, но еще больше тем, кто одновременно хорват, словенец, серб, мусульманин, еврей и представитель всех других народов и национальностей в нем»³⁴. Ости считает абсолютно бесценным опыт сосуществования стольких культур, обычаев, религий, который обогащал его с первых лет жизни.

Лишь одно сожаление связано с его переходом на другой язык — это то, что его мать больше не могла читать его книг (об этом он упоминает в предисловии к сборнику «Скатерть Вероники», эти же слова мы находим позднее в романе «Перед зеркалом»): «Хотя она знала, что я их писал, чтобы выжить, и что я выжил лишь потому, что написал их. Она точно так же не переставая вязала свою скатерть, на которой, как и в моем саду и в моих стихах, рифмуются лишь жизнь и смерть»³⁵. Здесь Ости отсылает к средневековому преданию о плате Вероники, которым женщина отерла лицо Иисуса Христа во время Крестного пути на Голгофу.

Йосип Ости — уникальный пример в словенской литературе, его словенское творчество уже давно превысило все написанное им по-боснийски (по-сербохорватски) и стало важным вкладом в словенское культурное пространство, обладающее благодаря таким авторам-космополитам международного формата, как Ости, существенной транскультурной составляющей. Более того, на данном пути он оказался первопроходцем: как справедливо отмечает литературовед Яня Житник-Серафин в монографии «Мультикультурная Словения» (*Večkulturna Slovenija*, 2008), идентичность писателей и писательниц-иммигрантов

32 Ibid. S. 199.

33 Ibid. S. 244.

34 Ibid. S. 377.

35 *Osti J. Veronikin prt ali namesto predgovora // Osti J. Veronikin prt. S. 10.*

«несомненно двунациональная», но до сих пор таковым было признано лишь двуязычное литературное творчество Ости³⁶. Исследовательница Аленка Корон в статье 2020 г. «Многоязычие и мультикультурность в литературных произведениях Йосипа Ости и Горана Войновича» подтверждает, что в новейшем словенском литературоведении все же утвердилось представление о том, что «словенское культурное пространство не является монолингвальным, но что в нем граничат между собой или сосуществуют во взаимном диалоге различные языки и культуры, среди которых также языки и культуры народов бывшей Югославии»³⁷. Хотя национальные истории литератур, в том числе и словенская, на фоне культурного национализма оттесняли многоязычие и мультикультурность литературных практик на периферию или же вовсе исключали их из рассмотрения, «в сегодняшнее время межкультурности, гибридных идентичностей и глобализации, безусловно, настал подходящий момент предоставить им более подобающее место»³⁸; тем более что речь идет об особенно качественных художественных произведениях, пользующихся любовью и признанием у широкой публики, а также в интернациональном литературном сообществе.

Источники и литература

Baltič A. Josip Osti, tisti dobitnik največjih slovenskih literarnih priznanj, ki je bil izbrisan // RTV SLO. 08.05.2016. URL: <https://www.rtv slo.si/kultura/novice/josip-osti-tisti-dobitnik-najvecjih-slovenskih-literarnih-priznanj-ki-je-bil-izbrisan/391354> (дата обращения: 15.09.2021).

Borovnik S. Podobe medkulturnosti v literarnem delu Josipa Ostija // Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. Maribor: Univerzitetna založba Univerze, 2017. S. 41–52.

Horvat M. Josip Osti: “Pišem in prevajam v jeziku svojih spominov” // Mladina. 22.12.2010. URL: <https://www.mladina.si/52711/josip-osti-pisem-in-prevajam-v-jeziku-svojih-spominov/> (дата обращения: 17.09.2021).

³⁶ *Žitnik Serafin J.* Položaj priseljenskih avtorjev v slovenski kulturi // *Žitnik Serafin J.* Večkulturna Slovenija: položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru. Ljubljana, 2008. S. 103.

³⁷ *Koron A.* Večjezičnost in večkulturnost v literarnih delih Josipa Ostija in Gorana Vojnoviča // *Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu* / ur. A. Koron, A. Leben. Ljubljana, 2020. S. 175.

³⁸ *Ibid.* S. 175–176.

Koron A. Večjezičnost in večkulturnost v literarnih delih Josipa Ostija in Gorana Vojnoviča // *Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu* / ur. Alenka Koron, Andrej Leben. Ljubljana: Založba ZRC, 2020. S. 165–177.

Muze niso molčale: pesmi slovenskih pesnic in pesnikov o vojni v Sloveniji, na Hrvaškem in v Bosni in Hercegovini / izbral, uredil in spremno besedo napisal J. Osti. Ljubljana; London: Mirovni komite Mednarodnega PEN-a = Writers for Peace Committee of International PEN; Ljubljana: Slovenski PEN, 1999. 161 s.

Novak B. A. Dvojezični pesniški glas // *Sodobnost*. 1999. Št. 9/10. S. 839–847.

Novak B. A. Moj brat Josip Osti // *Delo: Sobotna priloga*. 10.07.2021. URL: <https://www.delo.si/sobotna-priloga/moj-brat-josip-osti/> (дата обращения: 21.09.2021).

Osti J. Kraški narcis. Ljubljana: Študentska organizacija univerze, Študentska založba, 1999. 85 s.

Osti J. Tretja oseba množine; *Jančar D.* Ob prvem maju: zopet zaplemba študentskega časopisa // *Katedra*. 1969. Št. 14.

Osti J. Duhovi hiše Heinricha Bölla: (kalejdoskopski roman, zgrajen iz zgodb, predvsem o pisateljih). Ljubljana: Mladinska knjiga, 2016. 425 s.

Osti J. Jutranjice, večernice. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2009. 87 s.

Osti J. Majhna pesem. Maribor: Založba Pivec, 2015. 119 s.

Osti J. Med koprivo in križem = Between Kopriva in Križ. Ljubljana: Društvo Apokalipsa, 2007. 87 s.

Osti J. Na križu ljubezni (ljubezenske, spet... žalostinke, seveda). Maribor: Litera, 2009. 124 s.

Osti J. Panova piščal. Ljubljana: LUD Literatura, 2021. 90 s.

Osti J. Poper po pudingu: (66 zgodb in zgodbic, če pa jih, draga bralca ali bralec, bereš stoji na rokah, se ti zazdi, da jih je 99). Maribor: Pivec, 2021. 152 s.

Osti J. Pred zrcalom: (beležke za neodposlano pismo Chalesu Bukowskemu ali nedokončan roman, zgrajen iz posamičnih, včasih v življenju tudi nedokončanih ljubezenskih zgodb). Maribor: Založba Pivec, 2016. 269 s.

Osti J. Salomonov pečat: [dnevnik nesanič = dnevnik nespečnosti] / prepisal in prevedel Jure Potokar. Ljubljana: Mihelač, Društvo slovenskih pisateljev, 1995. 136 s.

Osti J. Sarajevska knjiga mrtvih. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1993. 207 s.

Osti J. Tomajski vrt. Ljubljana: Društvo 2000, 2007. 85 s.

Osti J. Veronikin prt: tomajske ne himne ne elegije. Ljubljana: Študentska založba, 2002. 105 s.

Osti J. Življenje je srljiva pravljica [Elektronska vir]: (tritirni kalejdoskopsko-mozaični roman, v katerem se prepletajo moje zdravljenje po ugotovitvi nezdravljive rakaste bolezni konec leta 2014, mamin vojni dnevnik iz obleganega Sarajeva v letih 1992–1995 ter spomini, ki so se mi ob tem porajali in me obletali kot ptiči Fračiška Asiškega). Maribor: Založba Pivec, 2020. 492 s.

Žitnik Serafin J. Položaj priseljenjskih avtorjev v slovenski kulturi // Žitnik Serafin J. Večkulturna Slovenija: položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru. Ljubljana: ZRC, ZRC SAZU, 2008. S. 102–108.

References

Baltić, A. “Josip Osti, tisti dobitnik največjih slovenskih literarnih priznanj, ki je bil izbrisan.” *RTV SLO*, 08 May 2016, <https://www.rtvlo.si/kultura/novice/josip-osti-tisti-dobitnik-najvecjih-slovenskih-literarnih-priznanj-ki-je-bil-izbrisan/391354>. Accessed 15 September 2021.

Borovnik, S. *Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti*. Maribor: Univerze, 2017, 172 p.

Horvat, M. “Josip Osti: ‘Pišem in prevajam v jeziku svojih spominov.’” *Mladina*, 22. Dec. 2010, <https://www.mladina.si/52711/josip-osti-pisem-in-prevajam-v-jeziku-svojih-spominov/>. Accessed 17 September 2021.

Koron, A. “Večjezičnost in večkulturnost v literarnih delih Josipa Ostija in Gorana Vojnoviča.” *Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu*, ed. by A. Koron, A. Leben, Ljubljana: Založba ZRC, 2020, pp. 165–177.

Novak, B. A. “Dvojezični pesniški glas.” *Sodobnost*, no. 9/10, 1999, pp. 839–847.

Novak, B. A. “Moj brat Josip Osti.” *Delo: Sobotna priloga*, 10 July 2021, <https://www.delo.si/sobotna-priloga/moj-brat-josip-osti/>. Accessed 21 September 2021.

Osti, J. “Tretja oseba množine; Jančar D. Ob prvem maju: zopet zaplemba študentskega časopisa.” *Katedra*, no. 14, 1969.

Osti, J. *Sarajevska knjiga mrtvih*. Ljubljana: Slovenian State Publ., 1993, 207 p.

Osti, J. *Salomonov pečat: [dnevnik nesanice = dnevnik nespečnosti]*. Ljubljana: Mihelač, 1995, 136 p.

Osti, J. *Kraški narcis*. Ljubljana: University Student Organization, 1999, 85 p.

Osti, J., editor. *Muze niso molčale: pesmi slovenskih pesnic in pesnikov o vojni v Sloveniji, na Hrvaškem in v Bosni in Hercegovini*, Ljubljana, London: Writers for Peace Committee of International PEN, 1999, 161 p.

Osti, J. *Veronikin prt: tomajske ne himne ne elegije*. Ljubljana: Student Publ., 2002, 105 p.

Osti, J. *Med koprivo in križem = Between Kopriva in Križ*. Ljubljana: Društvo Apokalipsa, 2007, 87 p.

- Osti, J. *Tomajski vrt*. Ljubljana: Društvo 2000, 2007, 85 p.
- Osti, J. *Jutranjice, večernice*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2009, 87 p.
- Osti, J. *Na križu ljubezni (ljubezenske, spet... žalostinke, seveda)*. Maribor: Litera, 2009, 124 p.
- Osti, J. *Majhna pesem*. Maribor: Založba Pivec, 2015, 119 p.
- Osti, J. *Duhovi hiše Heinricha Bölla: (kalejdoskopski roman, zgrajen iz zgodb, predvsem o pisateljih)*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2016, 425 p.
- Osti, J. *Pred zrcalom: (beležke za neodposlano pismo Chalesu Bukowskemu ali nedokončan roman, zgrajen iz posamičnih, včasih v življenju tudi nedokončanih ljubezenskih zgodb)*. Maribor: Založba Pivec, 2016, 269 p.
- Osti, J. *Življenje je srhljiva pravljica [Elektronska vir]: (tritirni kalejdoskopsko-mozaični roman, v katerem se prepletajo moje zdravljenje po ugotovitvi neozdravljive rakaste bolezni konec leta 2014, mamin vojni dnevnik iz obleganega Sarajeva v letih 1992–1995 ter spomini, ki so se mi ob tem porajali in me obletavali kot ptiči Fračiška Asiškega)*. Maribor: Pivec, 2020, 492 p.
- Osti, J. *Panova piščal*. Ljubljana: LUD Literatura, 2021, 90 p.
- Osti, J. *Poper po pudingu: (66 zgodb in zgodbic, če pa jih, draga bralka ali bralec, bereš stoji na rokah, se ti zazdi, da jih je 99)*. Maribor: Pivec, 2021, 152 p.
- Žitnik Serafin, J. *Večkulturna Slovenija: položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru*. Ljubljana: ZRC SAZU, 2008, 314 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.04

Krasovets A. N.

The transculturality in the artwork of Josip Osti

Aleksandra N. Krasovets

Candidate of Letters, research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: aleksandrakrasovec@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-9500-1767

Citation

Krasovets A. N. The transculturality in the artwork of Josip Osti // Slavic Almanac. 2021. No. 3–4. P. 311–329 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.04

Received: 28.08.2021.

Abstract

Josip Osti (1945–2021) was a poet, a novelist, an essayist, a literary critic, a translator and an editor. He also wrote over twenty poetry collections. Born in Sarajevo, since 1990 he lived and worked in Slovenia. After he became a recognized poet in his homeland and one of the most important translators of Slovenian literature into Serbo-Croatian, since 1997 he began to write in Slovenian. Soon after, he receives most prestigious awards in Slovenia. The transcultural aspects of Josip Osti's literary works, both poetry collections and novels, are in the scope of our attention. The author not only lyrically reflects on his transition from one language to another, what this process was like, what influenced him and found its expression in memorable artistic images, but also assesses his literary bilingualism in his prose texts and interviews. Our analysis of his poetry, especially taking into analysis his haikus, makes it possible to understand the peculiarities of Osti's poetic work in a non-native language, that is, Slovenian. Another important component of the transculturality of Osti's work is his comprehension of the spaces of Bosnia and Slovenia and of their unique interconnection.

Keywords

Josip Osti, contemporary Slovenian literature and poetry, literature of Bosnia and Herzegovina, immigrant literature, transculturality.